

После смерти жены Чжу Вэньхань взял на себя управление всей корпорацией Цзян, оставленной ему тестем, Цзян Шаоцзи. Он был крайне занят: дела компании, бесконечные приемы и встречи отнимали почти всё время, поэтому в огромном особняке его почти не видели.

Поместье Цзян располагалось на Байхэдао — в районе Цуйчэна, известном своими роскошными виллами.

Второй этаж прекрасного белого дома, где раньше жил Цзян Шаоцзи, теперь стал личным пространством Чжу Вэньханя. На третьем этаже было три спальни: в главной жила Цзян Ся, а Цзи Юйтун, едва переступив порог дома, была поселена в соседней гостевой комнате. Они почти каждое утро вставали одновременно, и водитель, старый Чжан, отвозил их в школу. Однако, несмотря на то что они проводили вместе весь день, девочки почти не разговаривали.

Цзян Ся дома была до крайности молчалива, зато в школе становилась центром всеобщего внимания. Её окружала толпа друзей, и такая популярность вызвала искреннее удивление. Её увлечения резко отличались от интересов обычных девочек: Цзи Юйтун, например, любила танцы, рисование и игру на фортепиано. В школе были кружки по этим предметам, и она старательно занималась. Конечно, она ходила и на плавание, быстро научившись держаться на воде, но с того дня она зареклась даже приближаться к большому бассейну в поместье Цзян.

А что же нравилось Цзян Ся? Она обожала любой спорт: каталась на скейтборде, гоняла в футбол с мальчишками и даже пошла на тхэквондо.

Более того, по выходным она вместе со своими закадычными друзьями, Чжоу Синханем и Гань Минчжу, тайком бегала в известную школу боевых искусств в Цуйчэне. Впрочем, об этом Цзи Юйтун узнала гораздо позже.

В начальной школе Дзя хватало проблемных учеников, и Цзян Ся была одной из них. Но поскольку здесь учились дети либо очень богатых, либо очень влиятельных людей, даже если кто-то совершал возмутительные поступки, никто не мог ничего с этим поделать.

Цзи Юйтун была такой красивой, милой и послушной девочкой, таким глотком свежего воздуха среди избалованных детей. И всё же, даже когда маленькая дьяволица Цзян Ся вытворяла очередную пакость, а в ясных глазах Юйтун стояли слезы обиды, учителям приходилось закрывать на это глаза.

Например, вчера Цзян Ся велела кому-то забрать стул, на котором сидела Юйтун.

А только что, на глазах у ошолобленного учителя математики, Цзян Ся вылила пузырек клея на мягкие черные волосы Юйтун, после чего, хлопнув в ладоши, невозмутимо удалилась.

— Юйтун, на... возьми это, — донесся до нее робкий голос. Юйтун подняла глаза и увидела миловидное личико Ян Нуаньсу.

— Спасибо тебе, Нуань, — прошептала она. Это был первый случай доброты к ней с тех пор, как она пришла в эту чужую школу. Сердце Юйтун переполнилось благодарностью, голос почти дрожал. Сдерживая слезы, она взяла салфетку и принялась изо всех сил оттирать липкий клей с волос.

Ян Нуаньсу посмотрела на нее, потом — на неподалеку стоявшего Чжоу Синханя. В ее глазах читался неприкрытый страх. Это был самый смелый поступок в ее жизни, и она до смерти боялась, что Чжоу Синхань донесет на нее Цзян Ся, и тогда огонь может перекинуться на нее саму. Но ее соседка по парте выглядела такой несчастной, что она просто не могла оставаться в стороне.

— Пойдем, Юйтун, я помогу тебе смыть это с волос, — учитель математики беспомощно вздохнул и подошел к девочке, протягивая руку, чтобы помочь ей встать.

Лицо Юйтун вспыхнуло, она слегка покачала головой, вдруг сжала кулаки и под удивленными взглядами присутствующих сорвалась с места.

— Почему ты так со мной поступаешь? — Юйтун догнала Цзян Ся в длинном коридоре, преградила ей путь и, задыхаясь, спросила: — Чем я тебя обидела? Почему ты каждый день так издеваешься надо мной!

Гань Минчжу, стоявшая рядом с Цзян Ся, открыла рот от изумления: она не понимала, откуда у новенькой вдруг хватило смелости при всех устроить Цзян Ся допрос.

— А почему ты вообще приперлась в мой дом?! — лицо Цзян Ся напряглось, она вскинула бровь, и ее острый, как лезвие, взгляд вонзился в Юйтун. Вопрос прозвучал почти угрожающе.

Эти слова заставили Юйтун оцепенеть. Она долго пыталась придумать ответ, но не смогла вымолвить ни слова.

Это был лишь один из бесчисленных мелких эпизодов, но именно тогда Юйтун впервые набралась храбрости противостоять Цзян Ся. С того дня Ян Нуаньсу стала ее первой настоящей подругой.

— Тунтун, у тебя высший балл по английскому! — после промежуточного экзамена Ян Нуаньсу радостно размахивала тетрадкой Юйтун. Сказав это, она добавила с оттенком грусти, но и не без гордости: — А у меня только девяносто пять.

— Подумаешь! Девяносто пять баллов — это еще не повод задаваться! — раздался неподалеку холодный голос.

— А у тебя сколько? — выпалила Ян Нуаньсу, потеряв бдительность от радости. Но, увидев побагровевшее от ярости лицо Чжоу Синханя, она испуганно прижала ладонь ко рту, но было

уже поздно.

Чжоу Синхань, услышав это, посмотрел на свои шестьдесят семь баллов в тетради. Цифры казались ему оскорбительными. Он снова тяжело хмыкнул и вдруг в пару движений разорвал свою работу в клочья. Его внезапный порыв напугал всех вокруг.

Сидевшая позади него Цзян Ся нахмурилась, подошла к Ян Нуаньсу, выхватила из ее рук тетрадь Юйтун и точно так же разорвала ее. Опершись руками о парту, она с вызовом бросила:

— Все еще гордишься? Ну?

Слова были адресованы Ян Нуаньсу, но смотрела она на Юйтун.

— Ты что творишь? Зачем... зачем рвешь чужие работы? — голос Ян Нуаньсу дрожал.

— Цзян Ся, почему ты вечно так издеваешься над Юйтун? — мальчик по имени Чжао Тао, сидевший за Юйтун, не выдержал и встал.

— У тебя есть претензии? — прищурившись, бросила Цзян Ся.

— Я... я... — Чжао Тао не успел договорить. Ян Нуаньсу, почувствовав поддержку, осмелела: — Конечно, есть! Ты порвала работу Юйтун, ты должна извиниться!

— Извиниться? Хорошо. — Цзян Ся кивнула, и прежде чем кто-то успел среагировать, толкнула Ян Нуаньсу. Та не удержалась на ногах и рухнула на пол. В отличие от гордой Юйтун, она тут же разрыдалась: — У-у, больно! У-у... я расскажу всё маме и папе!

Юйтун поспешила поднять ее с пола, потирая ушибленное место, и с тревогой спросила: — Нуань, где больно? Не плачь, пожалуйста...

Утешая подругу, она яростно смотрела на Цзян Ся. Долго сдерживаемый гнев, обида и отвращение вырвались наружу, и Юйтун совершила поступок, повергший всех в шок.

Она схватила пузырек с тушью и выплеснула всё содержимое на Цзян Ся. На ее белой футболке тут же расплылись черные пятна разного размера. Брызги достались и окружающим — класс наполнился криками и возгласами, люди начали в ужасе отскакивать назад. Не дожидаясь проклятий, Цзян Ся с побледневшим лицом схватила Юйтун за запястье и стремительно потащила ее из класса.

Ее хватка была неестественно сильной, запястье Юйтун ныло от боли, и она была вынуждена бежать следом. По дороге футболка Цзян Ся, разумеется, привлекла немало внимания и перешептываний.

Загнав Юйтун в укромный уголок, Цзян Ся толкнула ее, указала на свою одежду и ледяным, пронизывающим голосом произнесла:

— Сегодня же вернешься домой и отстираешь мою вещь! Чтобы не осталось ни пятнышка! Иначе я каждый день буду выливать на тебя по бутылке туши, чтобы тебе не в чем было ходить в школу!

— Это не я хотела прийти в твой дом, — Юйтун смотрела на нее, по ее щекам катились прозрачные слезы. Она сделала шаг назад и всхлипнула: — Меня привел дядя Чжу. Я тоже не хочу здесь быть, но... у меня больше нет папы. Нет мамы. Даже бабушки больше нет. Я не знаю, куда мне идти... — она говорила всё тише, задыхаясь от рыданий: — Я даже не знаю, где дом моей тети...

Цзян Ся замерла. Она почувствовала себя так, будто ударила кулаком в кучу ваты — она не знала, что делать. Только что она была в ярости, угрожала и предупреждала, и вдруг разговор перескочил на такую печальную тему. Нельзя было отрицать: эта девочка, которую она так ненавидела, сейчас выглядела так жалко, что злость, переполнявшая Цзян Ся, чудом испарилась.

— У тебя... у тебя был папа? Где он теперь? — Цзян Ся, казалось, о чем-то задумалась, прежде чем задать этот вопрос.

— Он умер, — Юйтун заплакала еще сильнее.

— Почему мой папа привез тебя сюда?

— Я не знаю. Он... он сказал мне, что был хорошим другом моих мамы и папы, — всхлипывая, ответила Юйтун.

Цзян Ся стояла неподвижно, и в памяти вдруг начали всплывать обрывки воспоминаний.

Цзян Чжитин смахивает всё со стола и кричит, плача, на Чжу Вэньхана: — У тебя столько женщин на стороне, зачем ты вообще возвращаешься в этот дом? Кто знает, сколько у тебя там внебрачных детей! Ты хоть раз заботился о Ся? Может, ты ждешь, пока я умру, чтобы привести их всех сюда?!

— Опять ты за свое! — Чжу Вэньхань лишь холодно бросал в ответ, не отрываясь от книги.

— Я за свое? Да, я схожу с ума! Но сейчас я вижу всё яснее, чем когда-либо. Как только моего отца не стало, твое истинное лицо начало проявляться день за днем. Вот зачем ты вошел в нашу семью? Ради денег, ради статуса, ради корпорации Цзян! В этом нет ни капли любви! Наконец-то тебе больше не нужно притворяться!

Пятилетняя Цзян Ся, притаившись у двери кабинета, смотрела на эту сцену, и каждое слово врезалось ей в память.

Спустя несколько дней, поздно вечером, Цзян Чжитин обняла дочь, гладя ее по волосам, и сказала сквозь слезы: — Ся, если однажды мамы не станет, помни: у тебя есть дедушка Хуан, дядя Гуй и матушка Гуй. Они будут о тебе заботиться.

— А мама? Куда пойдет мама? Я хочу с мамой, — Цзян Ся подняла на нее свои глазки.

— Мама очень устала, не сердись на маму, — на лице Цзян Чжитин была глубокая усталость. Она поцеловала дочку в щеку: — Мама не хочет расставаться с тобой, мама так за тебя переживает... Но мама правда очень устала. Мама эгоистичная и плохая, но мама обо всем позаботится.

Через несколько месяцев Цзян Чжитин покончила с собой. Внешне это списали на депрессию.

Цзян Ся вспомнила усталое, печальное лицо матери и невольно стиснула зубы. Плач Юйтун стих. Девочка тупо смотрела на черные пятна туши на одежде Цзян Ся, и в ее сердце начало закраиваться раскаяние. Если бы издевались только над ней, она бы стерпела. Но видеть, как та обижает Нуань... это она вынести не могла. Но... что этот дьявол сделает с ней в ближайшие дни?

Цзян Ся очнулась от воспоминаний и снова перевела взгляд на Юйтун. Сомнение всё еще отражалось в ее глазах. Постояв так некоторое время, она внезапно развернулась и, не проронив ни слова, ушла.

Юйтун с удивлением смотрела на ее удаляющуюся маленькую фигурку. Долго стояла она так, а потом, вытерев глаза, направилась обратно в класс.

В тот день она жила в постоянном страхе, но прошли дни, а никто так и не заставил ее стирать одежду. Она тихо вздохнула с облегчением: отстирать всё до единого следа было бы так сложно.

Первое столкновение так ничем и не закончилось.

Зато Чжао Тао не повезло — Чжоу Синхань его избил. А Гань Минчжу, желая отомстить за друга, написала записку Я — свинья и тайком приклеила ее скотчем к спине Ян Нуаньсу. Позже, во время уроков, Ян Нуаньсу то и дело слышала с задних рядов приглушенный смех, а все вокруг бросали на нее странные взгляды.

Конечно, позже Ян Нуаньсу всё поняла, но как только она отклеивала записку, ее прилепляли снова. Так продолжалось целую неделю, из-за чего она стала нервной и постоянно оглядывалась, пытаясь проверить, не висит ли на ней что-нибудь.

Школьные годы так и утекали в подобных бессмысленных играх.

<http://bllate.org/book/20977/2129525>